

ОТВЕТЫ М.С. ГОРБАЧЕВА НА ВОПРОСЫ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
ГАЗЕТЫ «РУДЕ ПРАВО» ЗДЕНЕКА ГОРЖЕНИ

9 сентября 1986 года

Вопрос. Ваше Заявление о продлении одностороннего моратория на ядерные взрывы до 1 января 1987 года вызвало очень широкий резонанс и, как нам в Чехословакии представляется, серьезно повлияло на расстановку общественно-политических сил в мире в вопросах разоружения.

Как Вы оцениваете причины этого и возможные последствия новой крупной миролюбивой акции Советского Союза?

Ответ. На первую часть вопроса ответ кажется очевидным. О советском моратории узнали сегодня значительно больше людей, чем некоторое время назад. Политическим лидерам и средствам массовой информации Запада становится все труднее замалчивать факт одностороннего полуторагодового моратория, да и американские аргументы в пользу испытаний явно потускнели, подрастеряли свое действие на общественность. Это, во-первых. А, во-вторых, в мире идет все более глубокое осознание реальности ядерной угрозы. Отвести ее можно, лишь ликвидировав, как мы и предлагаем, ядерное оружие, а в качестве первого шага – прекратить ядерные испытания. Как говорится, это ясно как божий день. Этого не могут втайне не понимать даже люди, одержимые гонкой вооружений.

В поддержку советского моратория, с призывами к Америке последовать примеру СССР выступили наши социалистические друзья, коммунистические партии, Конференция Движения неприсоединения в Хараре, представляющего десятки государств, лидеры «Делийской шестерки», многочисленные общественные организации и профсоюзы, авторитетные политические партии, в том числе западногерманские социал-демократы и британские лейбористы, видные деятели науки и культуры повсюду в мире. В целом можно сказать, что легче перечислить тех, кто не поддержал нашу акцию, чем тех, кто ее одобрил.

Эти выступления, – а мы их высоко ценим, – подтверждают, что **новое политическое мышление пробивает себе дорогу через застарелые**

предрассудки, отжившие представления, через завалы лжи о «советской угрозе».

Насколько можно судить по американским же данным, поддерживает идею прекращения ядерных испытаний и общественное мнение США, значительная часть Конгресса.

Словом, никогда еще не было столь общепризнанным, что ядерную войну нельзя вести и в ней не может быть победителя, какие бы хитроумные сценарии военных действий ни разрабатывались.

К этому добавляется и другое: политика Соединенных Штатов начинает все больше пугать людей; вопиющие проявления милитаристской линии раскрыли глаза многим, и тревогу по поводу того, что катастрофа действительно может произойти, уже никто не может скрыть.

Резонанс, который вызвало прекращение ядерных взрывов Советским Союзом, связан, конечно, и с тем, что это – не декларация, а действие. Уже в четвертый раз мы пошли на продление моратория. Год без взрывов – это уже политическая и военная реальность. Тенденция разума и здравого смысла теперь практически присутствует в мировой политике и может быть развита, укреплена соглашением о взаимном запрете ядерных испытаний. А также другими смелыми, сильными шагами, решением назревших и перезревших вопросов.

Разве, например, неважно для судеб Европы, да и всего мира увенчать добротной договоренностью работу Стокгольмской конференции? Безусловно, да. И со своей стороны Советский Союз вместе с Чехословакией, другими социалистическими странами предпринимает практические меры, чтобы так оно и произошло. Есть возможность, – мне уже приходилось об этом говорить, – прийти к согласию о запрещении химического оружия и ликвидации его промышленной базы.

По стратегическим вооружениям, ракетно-ядерному оружию средней дальности, обычным вооружениям возможны рациональные компромиссы, если на деле стремиться к понижению уровня военного противостояния, к

равнозначной безопасности. Возможна договоренность и по укреплению режима такого фундаментального документа, как Договор по ПРО.

Но нужно смотреть на вещи как они есть. Возможностей становится вроде бы все больше, а поворота к лучшему нет.

В этом смысле показательна и реакция на наше Заявление в правящих кругах Соединенных Штатов. Она с самого начала выявила, что, по крайней мере, в окружении Президента, представители которого на этот раз даже не пытались скрывать своего раздражения, всерьез об устранении ядерной угрозы пока не думают. Именно поэтому продление моратория вызвало там такое недовольство. Видно, перед лицом новых советских предложений в этих кругах почувствовали себя неуютно. Уж очень, наверное, трудно стало оправдывать свою позицию в глазах как мировой, так и американской общественности.

И вновь поехали по старой колее, стремясь принизить значение нашей акции, навешивая ей ярлык «пропаганды». Но спрашивается: если это пропаганда, то в чем мы хотим ею убедить, что хотим ею сказать? В том, что можно обойтись без ядерных взрывов? Что свой призыв освободить человечество от ядерного оружия мы подкрепляем прекращением его испытаний? Что плохого в такой «пропаганде»?

Вообще же по поводу обвинений нас в «пропаганде» я уже не раз говорил: очень это несерьезно, когда наши ответственные политические действия хотят перевести в такую плоскость. Не тот это подход в столь напряженный, можно сказать, переломный момент мирового развития.

Мы не в пропагандистской войне хотим выиграть. Мы не хотим даже участвовать в такой «схватке», считая ее недостойной важности предмета. **Наша цель – сделать реальный шаг к реальному разоружению.** И искренне приглашаем к этому американскую администрацию. Мы хотим сдвинуть с места переговоры, чтобы оттеснить ядерную угрозу ради безопасности всех и подлинной разрядки.

Очень уж много действительно пропагандистских спекуляций вокруг нашего моратория и в окружении Белого дома, и в политических кругах, и в прессе. **Иногда складывается впечатление, что в США вообще склонны заменить внешнюю политику пропагандой.** Какой уж тут деловой, обещающий успех диалог! **Мы отвергаем такой стиль, считаем, что речь идет о слишком серьезных вещах, чтобы играть вокруг них в словесные игры. И хотим рассчитывать на то, что нас в конце концов поймут в Америке и откликнутся на наш призыв адекватно, достойным образом.**

А уж если говорить о «серьезности», к которой нас призывали по поводу очередного продления нами моратория, то хотел бы сказать, что отношение к прекращению ядерных испытаний, к скорейшей выработке договора об их полном запрете стало сегодня самым убедительным показателем того, насколько действительно серьезно относится каждая из крупнейших ядерных держав к разоружению, международной безопасности, да и вообще к делу мира.

В Заявлении 18 августа (о продлении одностороннего моратория на ядерные взрывы до 1 января 1987 года) я уже говорил, что отношение к ядерным взрывам – это экзамен на историческую зрелость. Я глубоко в этом убежден.

Более того, это – пробный камень, на котором проверяются действительная целенаправленность, главное содержание внешней политики ядерного государства.

В самом деле.

Если хочешь военного превосходства – тебе мораторий не нужен.

Если хочешь продолжать гонку вооружений, особенно же перевести ее в новые сферы, в космос, – тебе мораторий не нужен.

Если ты хочешь иметь новые, более совершенные виды оружия – мораторий тут совсем ни к чему.

Если в решении международных проблем ты рассчитываешь на силу и намерен прибегать к диктату, шантажу – мораторий тебе также помеха.

Если ты боишься честно соревноваться с иной социальной системой в области экономики, демократии, культуры, духовного богатства человеческой жизни – мораторий тебе явно не подходит.

Если тебя не заботит, что будет с природой, со средой обитания людей, – ты будешь и дальше проводить ядерные взрывы.

Если алчные аппетиты воротил военного бизнеса и всех, кто с ним связан, важнее мнения и жизненных интересов сотен миллионов людей во всем мире – ты продолжаешь ядерные испытания.

Иначе говоря, **отношение к мораторию вскрывает действительную суть и направленность политики. От этого никуда не уйти.**

Если же есть действительное желание начать сокращение и потом покончить совсем с ядерным оружием, как об этом официально и торжественно не раз заявлялось и самим Президентом, и некоторыми членами его администрации, если есть действительное понимание того, что ядерная война недопустима, если правда, что Соединенные Штаты не стремятся к военному превосходству, тогда нет принципиальных препятствий к достижению равноправного и строго проверяемого соглашения.

Вот почему мы считаем, что «мяч не на половине поля русских», как твердят легкие на слово герольды Белого дома, а на американской половине.

Впрочем, вопрос стоит еще шире и значительнее, чем отношение к мораторию, хотя, повторяю, попытки уйти от этой принципиальной важности проблемы разоружения, растворить ее в других вопросах, обесценить, перевести в другую плоскость достаточно характерны.

Ведь **если выстроить всю послеженевскую политику администрации, то картина складывается тревожная.** Здесь и форсирование СОИ, и испытания противоспутникового комплекса АСАТ (*АСАТ – Anti-Satellite – американская система противоспутникового оружия второго поколения*), другие акции, подрывающие Договор по ПРО, тут и испытания новой межконтинентальной баллистической ракеты, новых самолетов и подводных лодок, заявления о выходе из Договора ОСВ-2, причем

как раз к тому моменту, когда предполагают проводить с нами вторую встречу на высшем уровне, и фантастические запросы на очередной военный бюджет, и ассигнования на бинарное оружие, и силовые разбойничьи «неоглобалистские» действия против Ливии, Никарагуа, на Юге Африки, в других местах, тут и создание новых военно-морских ударных формирований, и небывалые с 50-х годов по количеству задействованных средств военные маневры вблизи Советского Союза – от Северного моря и Балтики до Дальнего Востока. Прав маршал Ахромеев, сказавший на конференции в Стокгольме: «Представьте себе, что было бы, если бы подобные маневры развернули страны Варшавского Договора!».

Как мы должны воспринимать эти вызывающие военные демонстрации? Неужели как проявление миролюбия и стремления к взаимопониманию или, может быть, как подготовку атмосферы для встречи на высшем уровне?

Впрочем, в Белом доме и около него так прямо и говорят: все это необходимо, чтобы принудить русских к новым уступкам. Таков уровень ответственности тех, для кого гонка вооружений – золотое дно, и, кстати, уровень понимания, с кем они имеют дело.

Из подобной военно-политической практики напрашивается очень серьезный вывод: хотят легализовать гонку вооружений, по сути же дела – это материальная и психологическая подготовка мировой войны. У общественности законно зреет вопрос: что, значит, Америка собирается воевать? Если так, то тогда понятна логика действий администрации.

Невольно приходят на ум ассоциации с 1960-ми годами, когда нагло заявила о своих претензиях на Белый дом крайне реакционная группировка. Но Америка тогда сама осадила эту группировку. К власти пришли другие люди, открылась возможность задержать разрастание холодной войны, а потом, в 70-х годах, приостановить ее вовсе. Были заключены договоры, некоторые из них работают и сегодня.

А что мы видим теперь? Вновь разворачиваются военные программы, но такие, которые создают гораздо бóльшую, чем тогда, угрозу развязывания

мировой войны, ибо это происходит на новом научно-техническом витке гонки вооружений и при наличии гораздо больших арсеналов оружия, способного в несколько дней уничтожить цивилизацию.

Поэтому и задача наших двух стран, всех миролюбивых сил – не допустить, чтобы эта гонка приняла необратимый характер.

И гораздо более серьезная, чем прежде, я бы сказал – особая ответственность за то, куда повернется ход событий в мире, ложится на американский народ. Ему есть над чем задуматься.

Хочу верить в разум, реализм, да и элементарное чувство самосохранения американского народа. Нашим двум народам надо сотрудничать, а не враждовать, дружить, а не воевать. Я вновь призываю к этому.

Знаю, товарищ Горжени, что и у вас в Чехословакии, и у нас, и в других странах задают нередко и такой вопрос: не стоит ли за курсом на необузданную гонку вооружений стремление экономически подорвать СССР, социалистическое содружество? Как можно, в частности, оценить и официальные заявления, и домыслы в средствах массовой информации насчет того, что экономические проблемы и трудности, имеющиеся в СССР, заставят его, если еще поднажать, пойти на односторонние уступки?

Экономические проблемы и трудности у нас есть. О них мы сказали и говорим открыто. Немало проблем и трудностей в других странах, особенно тех, которые недавно встали на путь самостоятельного развития. А разве нет их на Западе, в самих Соединенных Штатах? Более того, они там грозно нарастают, накапливаются острейшие проблемы, государственный долг достиг астрономической цифры, и так огромная безработица вновь начинает приобретать угрожающие размеры, углубляются социальные противоречия.

А что касается наших экономических забот, то мы бы хотели справиться с ними быстрее и лучше, поэтому приветствовали бы любую возможность переключить средства и силы с обороны на гражданские

отрасли, на повышение благосостояния людей. Но интересами безопасности мы при этом никогда не пожертвуем и на уступки за ее счет не пойдем, в том числе и на переговорах. Да нам и не позволил бы этого советский народ.

Попытки гонкой вооружений экономически подорвать СССР, мировой социализм мы хорошо видим. И сделаем все, чтобы не позволить сбыться этим злостным планам. Действовать будем сразу на нескольких направлениях: на дипломатическом, военном, политическом и – да-да! – пропагандистском, но прежде всего – на экономическом. Повышать эффективность хозяйства, наращивать ускорение, совершенствовать управление.

В этом плане качественный труд советских людей, трудящихся стран социалистического содружества – одновременно и вклад в дело мира. Даем мы слабину – напор врагов социализма усиливается. Становимся крепче, прочнее экономически, в социальном и политическом плане – растет и заинтересованность капиталистического мира в нормальных отношениях с нами, рассеиваются иллюзии, будто историю можно повернуть вспять.

Вопрос. Среди откликов на Ваше Заявление есть и такие: мол, ни односторонний мораторий, ни даже двустороннее соглашение с США по этому вопросу практически ничего не дадут для решения проблемы ядерного разоружения. Так ли это?

Ответ. Никак не могу согласиться с этим.

Мораторий действительно пытаются противопоставить сокращению вооружений, доказать даже, будто он мешает начать процесс разоружения. В некоторых кругах и в прессе гуляет и такое мнение: мол, ядерное оружие – «зло», но «зло неизбежное», поскольку оно служит сдерживанию, а раз так – оно нуждается в проверке надежности, то есть в проведении взрывов.

Все это – абсурд, если не попытка сбить людей с толку.

Мы еще в январе предложили совместно начать «искоренение самого зла» – ликвидировать все ядерное оружие до конца века. Конечно, это задача

непростая. Но мы и предлагаем ее решать поэтапно, с учетом всех сложностей, отводим на это 15 лет, предусматриваем параллельные усилия в сфере ликвидации химического оружия и радикальных сокращений обычных вооружений, имеем в виду одновременно с разоружением продвигаться вперед в политической, экономической и гуманитарной сферах международных отношений.

Попытки противопоставить вопрос о прекращении ядерных взрывов вопросу о сокращении ядерного оружия недобросовестны и по еще одной причине. Такие попытки сеют иллюзии: будто уже две державы «почти» договорились о радикальном сокращении ядерного оружия, а тут вот СССР помешал своим мораторием. Но дело обстоит совсем не так. Со времени Женевской встречи мы ни на дюйм не приблизились, – несмотря на все старания СССР, – к соглашению о сокращении вооружений.

А вот взаимное прекращение ядерных взрывов как раз серьезно содействовало бы согласию на этот счет. Ведь с прекращением испытаний, по сути дела, останавливается гонка в самой опасной области – в области создания новых видов ядерного оружия, в его совершенствовании. Остается только справиться с количественной гонкой вооружений, что проще.

Наша позиция, таким образом, состоит в том, что прекращение ядерных взрывов органически связано с сокращением ядерного оружия, очень серьезно помогло бы решению этой задачи. Я не говорю уж о политической стороне дела. **Недоверие, страх и подозрительность, согласитесь, губительно сказываются на международном климате.** Есть и сторона нравственная, моральная. **Продолжать испытания – значит растрачивать силы и средства во зло, тогда как невероятно велика и возрастает потребность в них на добрые, гуманные дела.**

Вопрос. Говорят, что советское ядерное оружие «более простое и не нуждается в проверке надежности», а американское – «более сложное и потому его надо постоянно испытывать на эффективность».

Запущена в ход и другая версия, будто Советский Союз до объявления в 1985 году моратория усовершенствовал свой ядерный арсенал, значительно обогнал в этом Америку и поэтому может себе позволить паузу в испытаниях, а Соединенным Штатам приходится, мол, сейчас «догонять», поэтому они и проводят взрывы.

Где тут правда?

Ответ. А правды здесь нет вообще. Все эти утверждения лживы от начала и до конца.

Специалисты весьма убедительно доказывают, что для того, чтобы быть уверенным в надежности уже имеющегося ядерного оружия, отнюдь не нужны ядерные взрывы. Контролировать надежность можно столь же эффективно и к тому же куда более дешево и безопасно другими методами, без ядерных взрывов.

О том, что можно быть уверенным в ядерных боеприпасах, не проводя взрывов и ограничиваясь проверкой неядерных компонентов бомб и боеголовок, говорит и длительная практика. С 1974 года США и СССР не проводят в соответствии с имеющимся Договором испытаний мощностью свыше 150 килотонн. Между тем у США боеприпасы, превышающие по мощности этот «порог», составляют 70 процентов ядерного арсенала, да и у нас не меньше. Значит, верим и мы, и они в надежность оружия и без взрывов! Чего же наводить тень на ясный день?

Если американцы сомневаются в устойчивости своего ядерного арсенала, пусть пойдут на выработку соглашения о прекращении испытаний, а наши специалисты поделятся с ними «секретами», как проверяется состояние ядерных зарядов и без испытаний.

Нет. Главная цель испытаний ядерного оружия, которые проводят Соединенные Штаты, – создание принципиально новых типов вооружений. Что это значит? А вот что: разрабатываются новые ядерные боеголовки и повышенной мощности, и высокой точности. В ходе испытаний создается ядерное оружие космического базирования – рентгеновские лазеры

с так называемой ядерной накачкой. Ведутся работы по подготовке совершенно нового вида оружия, способного поражать цели и на Земле, и в космосе. **В этих условиях лицемерно говорить, что запрещение испытаний ничего не даст для решения проблемы ядерного разоружения.**

Что касается второго довода, то он мог еще звучать сколько-нибудь правдоподобно в первые пару месяцев нашего моратория. Но не тогда, когда тишина на советских ядерных полигонах царит уже второй год. Если разработка нового и совершенствование старого ядерного оружия требуют все новых ядерных испытаний, – а это несомненно так, – то по логике вещей США, которые провели намного больше взрывов, чем СССР, плюс 18 за год нашего моратория, должны были бы далеко уйти вперед. Догонять, получается, надо не им, а нам. Словом, абсурдна сама эта постановка вопроса.

Известно нам и такое мнение: нельзя ли в том, что касается испытаний, на какое-то время удовлетвориться компромиссом между советской и американской позицией. То есть не полным запретом, а какой-то их «регламентацией».

Конечно, предлагая другой стороне договоренность, никогда нельзя напрочь отвергать компромиссы. Но идея «регламентации» вместо прекращения представляется мне все же неверной в принципе.

Прежде всего, регламентация у нас уже есть: Договор 1963 года и так называемые «пороговые» соглашения 1974 и 1976 годов. Но гонку вооружений они не остановили. Она даже усилилась, – конечно, не потому, что эти договоры существуют.

То же самое может произойти и с предлагаемой «регламентацией» подземных ядерных испытаний. Скорее всего, она привела бы к тому, что гонка просто пойдет в другом направлении, а потом выяснится, что – в еще более опасном.

Какого-то половинчатого решения по проблеме ядерных испытаний просто не может быть. Честная постановка вопроса одна: или договариваться о том, чтобы не испытывать ядерные заряды и

покончить с этим раз и навсегда, или дать старт еще более опасным военным приготовлениям. Третьего не дано.

Если бы американцам удалось втянуть мир в гонку космических вооружений, какими бы терминами они ни обозначались – «оборонительными» или иными, это наверняка привело бы к предельно рискованной дестабилизации всей военно-стратегической ситуации. Угроза человечеству приобрела бы качественно новые смертоносные параметры. Никто не имеет права закрывать на это глаза.

Вопрос. Вновь, как и по поводу всех других инициатив Советского Союза, окружение Президента Рейгана и представители некоторых других натовских правительств пытаются отвлечь внимание от поставленной Вами кардинальной проблемы – процесса ядерного разоружения – разного рода спекуляциями насчет контроля, проверки.

Как Вы оцениваете подобный подход?

Ответ. Именно так, как сказали Вы, – как попытку отвлечь внимание. Хотят продлить жизнь обанкротившемуся доводу, будто запрет на ядерные испытания невозможно проконтролировать. Обанкротился он прежде всего в силу успехов науки. Сегодня национальными средствами можно обнаружить любой, даже самый малый ядерный взрыв. Чтобы помочь решению проблемы, Советский Союз, тем не менее, дал согласие на другие методы контроля. «Делийская шестерка» предложила свои услуги – мы согласились. А США отмолчались. Ученые договорились об установке сейсмографов и другого оборудования близ ядерных полигонов СССР и США – мы поддержали и эту инициативу, несмотря на то, что американское правительство отнеслось к ней пренебрежительно.

Я не так давно принимал группу видных ученых – специалистов в этой области из СССР, США, стран Западной Европы, Японии, обстоятельно с ними беседовал. И еще раз убедился, что у них ни малейших сомнений насчет возможности самого надежного контроля за запрещением ядерных испытаний нет.

А пока же дело выглядит так: Соединенные Штаты никак не выразили готовности приступить к разоружению и говорят не о контроле за разоружением, а о контроле за вооружениями.

Мне самому и нашим военным товарищам не раз уже приходилось говорить: мы знаем, что делают американцы, что у них происходит на ядерных и иных полигонах. А их попытки скрыть кое-что, в том числе и некоторые свои взрывы (включая и еще один, произведенный неделю назад), лишний раз убеждают нас в том, что на слово верить нельзя. И впрямь: никаких оснований доверять американским генералам у нас нет, да и с их стороны мы на доверие не рассчитываем. Поэтому мы за строгий, научно обоснованный контроль и будем на нем настаивать, включая инспекцию на местах. Но, повторяю, не за проведением взрывов, а за прекращением взрывов.

Американские приборы уже установлены вблизи советского ядерного полигона в Семипалатинской области. Мы считаем, что можно было бы договоренность ученых перевести в официальное соглашение и обоюдно следить за тем, чтобы возможное соглашение о прекращении ядерных взрывов не нарушалось. Можно подумать и о том, чтобы создать международную, наднациональную сеть контроля за прекращением испытаний. Пользуюсь случаем, чтобы обратиться к Президенту США с этим предложением. Проблема тут вполне разрешимая. А то, что в Вашингтоне ее пытаются представить как орешек, который невозможно разгрызть, объясняется просто: США не готовы отказаться от гонки вооружений и потому блефуют.

Ядерные взрывы нужны им, повторяю, не для сдерживания (сдерживать некого: никто на США нападать не собирается), а для создания оружия, предназначенного для ведения ядерной войны.

Вопрос. И последний, товарищ Горбачев, если позволите, деликатный вопрос. Судя по многочисленным заявлениям из окружения Президента США, да и по западной печати, все внимание мировой общественности хотят сейчас сосредоточить на новой вашей встрече с господином Рейганом, фактически

подменить разговорами о ней все актуальные проблемы обуздания гонки вооружений.

Что Вы можете сказать по этому поводу?

Ответ. Мы за проведение советско-американской встречи на высшем уровне, такой встречи, которая ознаменовалась бы заметным продвижением вперед в решении хотя бы одной-двух существенных проблем международной безопасности.

После Женевы мы предприняли немало шагов, чтобы сблизить позиции по широкому спектру проблем, касающихся преодоления гонки вооружений. Нам чужд подход, который можно было сформулировать: «все или ничего». Но ради «ничего» встречу проводить не стоит. Может быть, кого-то это бы и устроило – нас решительно не устраивает.

Вопросы, о которых идет речь, затрагивают все страны, все мировое сообщество, хотя мера ответственности Советского Союза и Соединенных Штатов, понятно, особенно велика. Поэтому-то, как нас ни провоцируют, мы не обрываем нити контактов с американской администрацией, не ставим под сомнение их полезность, не хлопаем дверью (хотя некоторые на Западе и, особенно, в окружении Президента США этого очень бы хотели). Но контакты ценны не сами по себе, а результатами.

Мы ожидаем, что предстоящая вскоре встреча Э.А. Шеварднадзе с госсекретарем США Дж. Шульцем поможет прояснить, где мы сейчас находимся, имеет ли советско-американский диалог шансы двинуться дальше.

Если заведомо исходить из того, что мораторий неприемлем, если вопрос о ракетах средней дальности в Европе блокируется, если стратегические вооружения должны совершенствоваться и т. д., то о чем тогда договариваться? В обстановке лихорадочной гонки вооружений, нагнетания напряженности, слома существующих договоров встреча в верхах едва ли принесет пользу. А вот использовать ее для обмана людей, успокоения общественности видимостью благополучия было бы легче легкого и при этом

продолжать опасную политику. Да, собственно, это уже пытаются сделать, изображая дело так, будто подготовка к встрече идет полным ходом.

Нагнетая деланный оптимизм: все для встречи, мол, почти готово, – рассчитывают, возможно, загодя спихнуть вину за результаты своей деструктивной политики на Советский Союз. Такие же цели, должно быть, имеет и другая версия: будто СССР пришел к выводу, что с администрацией Рейгана каши, как говорится, не сварить.

Однако мы придаем слишком большое значение фактору времени, чтобы так вот решить: «замрем», мол, на два с половиной года. Нет. Переждать, повременить – было бы непростительной ошибкой. Мы будем и впредь использовать любую возможность для продуктивного диалога, для продвижения к ограничению и сокращению вооружений, а также для урегулирования региональных конфликтов, развития международного сотрудничества по всем актуальным направлениям. В этом смысле совесть у нас чиста перед советским народом, да и перед другими народами. И нас хорошо понимают, последовательно и твердо поддерживают наши чехословацкие друзья, страны социалистического содружества.

Хотел бы особо подчеркнуть: мы очень дорожим и скрупулезно учитываем мнение своих союзников, полны решимости и дальше улучшать механизм и методы консультаций, совместной выработки внешней политики социализма. Мы высоко ценим политические инициативы своих союзников и друзей, их активность в борьбе за новое политическое мышление, деятельное и равноправное участие в общих усилиях по решению проблем мира, безопасности, разоружения.

Не считаю возможным умолчать о еще одной стороне дела, связанной с перспективами встречи в верхах. Много строится домыслов вокруг моей конфиденциальной переписки с Президентом США. Не хочу раскрывать ее содержания, но вот относительно домыслов сказать стоит. Грешат они нарочитым оптимизмом, есть в них что-то от рекламы.

В конце июля к нам поступило очередное письмо Президента США как бы с ответом на наши инициативы. *(Речь идет об ответе Р. Рейгана 25 июля 1986 года на письмо М.С. Горбачева, в котором Советский Союз пошел на компромисс, выразив готовность согласиться с тем, что работы в области СОВБ будут ограничены уровнем лабораторных исследований, к которому США фактически уже подошли.)* Знаю, что на Западе это письмо преподносят как нечто новое в позиции Вашингтона, устраивают вокруг него выгодные администрации «утечки», делают вид, будто все теперь зависит от Москвы. Свой ответ мы, разумеется, Президенту дадим.

Я изучал письмо Президента вдоль и поперек, фигурально выражаясь – и под микроскопом, и в телескоп. Конкретнее говорить не буду – ведь договорились о конфиденциальности. Однако мне понятно желание людей знать, что же там – в этой закрытой переписке. Ведь это касается их всех, всех людей Земли. Если бы они могли ознакомиться с текстами обоих писем, сравнить значимость каждого из них для развязки главных узлов на пути разоружения, они увидели бы, насколько серьезно и ответственно советское руководство подходит к проблемам предотвращения войны, как конкретно, по-деловому и с учетом интересов другой стороны мы формулируем свои предложения.

Они увидели бы также, что **мы далеки от позиции безнадёжности, верим в силу разума и чувство самосохранения человечества.**

Своими действиями и инициативами мы стремимся укрепить надежду народов на то, что ситуацию можно изменить, что есть доступная альтернатива конфронтации. Думаю, **мы уже вступили во вторую фазу глобального антиядерного процесса, фазу не только надежд, но и реалистических планов и вытекающих из них конкретных действий.** Как коммунист я верю в силу масс, которыми овладевает новое мышление, указывающее выход из кризисного положения.

Время для принятия совместных ответственных, пусть компромиссных, решений – самое ценное, что у нас пока еще есть. Но оно быстро уходит. **Век**

ядерного оружия, по-видимому, – самый скоротечный из всех, через которые прошла мировая история. Потому так нужны сейчас конкретные дела. Призывом к ним я бы и хотел закончить.

От имени КПСС, всех советских людей шлю братскому чехословацкому народу самые добрые пожелания.